

РИСУНОК

Дождь со щебнем играет в классы.
Воробьи воруют макуху.
Я черчу отчаянно красным
43-го чёрный угол.

Я рисую красные танки.
Перед ними — красные взрывы,
Убегают фашисты в панике
Червяками чёрными криво.

А за окнами тлеют развалины.
Мама кашляет на кровати.
Истекает, тоскою ранена,
Самодельная плошка на вате.

Накрест — рамы. И накрест — раны.
Как победа — любовь и смерть.
Я рисую зло и упрямо
Угол дома, которого нет.

КАТАСТРОФА

Был голос ночи вдавлен в снег.
Был паровоз, как конь, неловок,
Запутался тяжёлый бег
В железе скомканных постромок.

И, вывихнуты наугад,
Вагоны лезли друг на друга...
И медленно пронзала гарь
Судьбы — конвульсии подпруга.

И плач прорезал тишину.
И кровью чистой и душевной
Огонь под небо саданул.
В нём бледные теснились души.

Старик себя не узнавал,
Мать целовала головешку,
И мальчик полз в пустой провал,
Все повторяя: “Ты не мешкай...”

...То, что осталось от людей,
Брело на мёртвый полустанок,
И засыпала мир метель
И лица чёрные крестьянок.

1 января 1967
Воронеж

РУССКАЯ ДОРОГА

Русская дорога. Белая дорога.
Точно отраженье снега, бега, Бога...

Человекокони. Гей, кентавр лохматый!
Закружились спицы — серые солдаты...

Вороня удадь. Исступленье риска.
Вёрсты — мера чуда. Далёкое — близко.

Близкое — далёко. Фокус перспективы.
Развевайте, кони, огненные гривы!..

Над равниной сонной свет звезды неверный.
Радостные звоны лошадиной скверны...

Русская дорога — чёрная дорога
В человекокуче снега, бега, Бога...

1980

* * *

Вот и белый, и синий, и красный!
Ночь играет со мной в светляки...
И полёт их, тревожный и страстный,
Полон чар и невольной тоски.

Отлетают, как тени, заботы,
Сердце ждёт откровенья стихий!
И всё глубже вдвигает природа
Лики скал в острый трепет реки...

И смущает мне душу свечение
Этих тихих и вещей огнят!..
Что за символы? В чём их значенье —
Фантастических духов огня?!

В душном мраке, где бродят светила,
Где летят привиденья вослед,
Где мнутся и шепчут могилы,
Загорается сказочный свет.

Сны плывут над могучей Россией.
Спят герои, богатыри...
А над ними тревожно и сильно
Разноцветье бессмертьем горит!

Ночь державным торопится шагом —
Белый, синий и красный взвит стяг!
Под глубокое пенье “Варяга”
И “Олега” на вечных устах...

* * *

Между голых ветвей загорелась звезда.
Под ногами — замёрзшие травы.
Сук качнётся, таинственный голос издав,
И кустов коченеют оравы.

В эту ясную ночь при звенящей луне
Тайным мыслям легко предаваться
И с надеждой шутить, и в нестройном огне
Горьких дум тишиной забываться.

А любовь разрывает угрюмую грудь,
А её сторожит неизвестность.
И тоска и страданье мешают вздохнуть.
Грозной бездной зияет окрестность.

Голый лес красотою дремучей зловещ.
И дорога чернеет простая.
И стоит человек и молчит, словно вещь.
И звезда роковая блистает.

* * *

Что за поле вдали? Что за поле?..
То подсолнухи без голов!
Поражает внезапною болью
Этот мир оборвавшихся снов...

Но упрямо закручены шею
Прямо в солнце — и ходят за ним...
Это лучшее из отношений
Между небом и полем земным!

БЕСКОРЫСТНАЯ ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

Каким было то время – век XX, годы 60-е... Каким мы помним его?

Яркой вспышкой отдельных известных имён, что у всех на слуху? Или картина русской поэзии была намного сложнее, глубже и разнообразнее, потому что и неизвестные, пропущенные этим временем, не востребовавшие талантливые поэты внесли в него свою неповторимую краску?

И здесь мне хочется назвать Олега Чухно (1937–2009). В 60-е он был практически не известен читателю, его не печатали, хотя после приезда из Краснодара в Москву вслед за Юрием Кузнецовым (их творческие судьбы впоследствии резко разошлись) он написал в этот “московский период” жизни лучшие свои стихи, такие как “Тоска”, “Катастрофа”, “Любовь”, “Мир по колено”, “Мастер”. Одно стихотворение об осени в “Юном натуралисте” (1966, №10) и небольшая подборка под псевдонимом Олег Ямов в “Литературной Армении” (1968, №5) – вот, собственно говоря, и всё, что удалось ему опубликовать в “оттепельные” 60-е, как, впрочем, и в “застойные” 70–80-е и в “перестроечные” 90-е.

Почему?

В автобиографии, написанной в 1996–1999 годы специально по моей просьбе в составленную мной единственную прижизненную книгу его стихов “Стволы и листья” (вышла в 2002 году в издательстве “Вече”), поэт из первых уст рассказал САМ (так она и названа!) о том, как это было: жёсткая цензура, непонимание со стороны редакторов, отторжение литературной среды – и что из этого получилось. И всё-таки эти, даже конкретные, факты не объясняют в полной мере метафизическую суть вопроса “почему?”. Для истории отечественной поэзии середины XX века он остаётся едва ли не самым сложным явлением среди таких “невостребованных” поэтов. Не маргинал, не диссидент, не “самиздатель”. Слишком знакомая биография людей поколения 37-го года: раннее сиротство, суворовское училище, филфак, жизнь без прописки в столице, тяжёлая душевная болезнь.

Да, конечно, сегодня можно сказать: в этом случае во всём “виновата” его эстетика. Слишком сложный сплав художественного сознания поэта, вобравший в себя “краски и слова” (А. Блок), – уроки живописи (картины Ван Гога и Босха, чёрно-белая графика), уроки раннего Маяковского (не просто метафора, а метафорическое зрение в целом) и Пастернака (чувственно-трепетное переживание природы, “образ явленный”).

В истории литературы XX века есть справедливый и глубокий подход к подобному рода явлению, его нашёл Дмитрий Святополк-Мирский в оценке поэта графа Василия Комаровского (1881–1914), которому современники не простили его оригинальности: “... в творческом потоке развития он (Комаровский. – И. Р.) был странным завитком в сторону, никуда не ведущим. Но именно такая оригинальность, совершенно бескорыстная с эволюционной точки зрения, и есть утверждение абсолютной свободы, проявление какой-то божественной игры, избытка творческой эволюции...”

И разве блестящий и свободный “Мир по колено” Олега Чухно не укладывается целиком в эту оценку?

Да, признания не было со стороны официоза, власти и номенклатурных поэтов-функционеров, взывавших “другой”, верноподданнической метафорой: “Как солнца яростное тело // в ночном окне, // явилась Ленинская тема // опять ко мне... // На трассах, в городах, селеньях, // на авеню // вы говорите сами: “Ленин!” – // сто раз на дню” (В. Костров).

“Всегда во мне” у Олега Чухно, как у подлинного поэта, был весь мир – живой, трагичный, непостижимый. Его сразу же принял Паруйр Севак: “Стихи Олега очень понравились мне. Передайте ему привет и поцелуйте...”

(в письме к автору этих строк от 10.04.1968), оценили их и Павел Антокольский, особо восхищавшийся строкой: “И Христос не взирает на Хама, // “Спаси, Господи!” – голос поёт...”), и Вадим Кожинов: “Чухно выше гораздо большинства современных поэтов” (запись А. Филимонова от 24.01.1992).

Я вспоминаю: в конце 60-х мы часто бывали у вдовы Андрея Платонова Марии Александровны, и во время одного из посещений она подарила ему книгу волшебных сказок писателя с примечательной надписью: “Одному из тех людей, которых любил Андрей Платонов”.

Андрей Платонов любил людей, что “не у всех на глазах”, а внутри себя, по “томящейся теплоте”.

Олег Чухно был именно таким человеком. Перефразируя конечные строки его автобиографии, можно сказать: “Здесь человек не исчез, несмотря на весь трагизм “вещества существования” (выражение А. Платонова). И это тоже, на-верное, гекатомба, но уже не книжного, а иного, нравственного порядка.

За блестящим каскадом образов-символов, метафор бытия – зрячее сердце поэта, полное страдания и сострадания к живым мира, будь то Дерево, Муха или Подсолнух; даже яблоки-червивцы, что лежат на земле “тихо, как больные старухи, // не разжав почерневших измученных губ”, вызывают у него чувство жалости (“по-российски жалея пропащих ребят”).

Сам автор, как и созданные им образы, не менее был достоин глубокого сочувствия и понимания. И только на родной Кубани, природе которой он посвятил столько замечательных стихов, этого “драгоценного человеческого вещества” ему не хватало.

Последние 20 лет жизни Олега Чухно прошли в Северском психоневрологическом интернате Краснодарского края. Единственным местным писателем, который принял участие в его судьбе, был Виктор Домбровский, бывший тогда секретарём отделения Союза российских писателей. Он принял поэта в Союз, выдал членский билет, который у него тут же украли собратья по несчастью, – им, видимо, тоже захотелось стать писателями; постоянно навещал его, со вниманием относясь ко всем просьбам. И не по служебной должности, а по должной человечности.

Олег Иванович Чухно умер 8 октября 2009 года при невыясненных обстоятельствах. Благодаря стараниям того же Домбровского он достойно похоронен в станице Азовской. На могильном надгробии высечены строки поэта: “Русская дорога. Белая дорога. // Точно отражение снега, бега, Бога”.

Этой русской дорогой – символом художественной Вселенной, созданной поэтом, – предлагается пройти читателю публикуемой здесь подборки.

Эта первая публикация Олега Чухно в журнале совпала с его юбилеем: 80-летием со дня рождения. Она, хочется верить, откроет начало пути поэта к читателю другого, XXI века.

И далее...